

Филипацци М.

**Россия в итальянской печати:
Искаженный и «отреставрированный»
образ. (Реферат)**

Пер. с итал. // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 4(34). – С. 54–60.– Режим доступа: journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling34/ling34_7.pdf –

В статье М. Филипацци, доктора исторических наук, доцента Флорентийского университета, представлен обзор итальянской прессы, посвященный «российскому вопросу».

Ссылаясь на интервью известного итальянского политолога Бруно Серджи, приуроченного к выходу его последней книги «Искаженная интерпретация современной России», автор отмечает устойчивое стремление представлять Россию в мрачном свете. Почему так сложилось и почему Россия по-прежнему вызывает страх, задается вопросом Филипацци. Уже более двух десятилетий советской угрозы не существует. Новая Россия сегодня – сильное государство, крупный международный игрок, интегрированный в мировую экономическую систему. Она защищает свои интересы, хотя и не безусловные с точки зрения Запада, но не связанные с советской идеологией. Страна в своей политике руководствуется определенными социально-экономическими и политическими целями, но любые попытки действовать с позиции силы чреваты для нее угрозой утратить завоеванное положение в мире, а следовательно, невозможны, с одной стороны. С другой – в основе внешнеэкономической стратегии России лежит экспорт энергоносителей и природных ресурсов в основном в европейские страны. С его ростом, по мнению Филипацци, усиливается

зависимость Запада от российского сырья и, как результат, формируется настороженное отношение к РФ. В этом автор видит первую причину негативного отношения к России.

Вторая причина – отношение к российской государственности. Россия 2000-х годов, т.е. во время правления В. Путина и Д. Медведева, не пользовалась популярностью в Италии. Современная Россия вызывает подозрения в большей степени, нежели Россия времен Б. Ельцина, хотя тогда она, на взгляд автора, несла в себе больше угроз. Путинская Россия опирается на более сильную народную поддержку. Это важнейший показатель того, что социально-экономической модели, сложившейся в последнее десятилетие, граждане России доверяют в большей степени, нежели ельцинской демократии или горбачевской перестройке. Это во многом удивляет общественное мнение Запада, которое воспринимает В. Путина (здесь и далее автор использует термин «путинизация». – *Редф.*) через призму ограничения гражданских прав и свобод, цензуры, произвола. С этой точки зрения Россия вселяет страх, и редко кто в Италии пытается обрисовать российскую действительность вне сложившихся стереотипов.

Недостаточная развитость демократических институтов признается и россиянами, необязательно находящимися в оппозиции к правящему режиму. Однако отождествлять отсутствие свобод с диктатурой было бы неверно. Еще в 2006 г. руководством РФ была разработана политическая доктрина «суверенной демократии». Ее автором стал один из руководителей Администрации президента В. Сурков. Многие положения этой доктрины, как указывает Филипацци, воспринимаются на Западе искаженно. Тем не менее М. Горбачев на встрече в октябре 2006 г. в Италии упомянул некоторые положения этой доктрины, напомнив, что на Западе часто забывают, что Россия идет своим особым историческим путем. Страна, по словам бывшего генерального секретаря КПСС, находится в середине того процесса, начало которому было положено не в 1991, а в 2000 г.

По мнению автора, в словах бывшего руководителя СССР звучит явная критика деятельности Б. Ельцина и, напротив, положительная оценка работы В. Путина. Вместе с тем отдельные недостатки внутренней политики В. Путина часто гипертрофируются общественным мнением Запада. Не учитывается, что формирова-

ние демократии требует длительного времени. В отношении того, с чем пришлось работать российскому президенту, автор приводит емкое определение, данное А. Солженицыным: «В. Путину досталась по наследству страна разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное – заметим, постепенное, медленное, – восстановление ее»¹.

Россия конца 1990-х годов воспринималась в Италии как страна, находившаяся на грани саморазрушения, отмечает автор. В этот период существовал геополитический сценарий, при котором границы Российской Федерации могли сократиться до пределов средневековой Московии. Возможность утраты суверенитета государством, часть территории которого расположена на азиатском континенте, с последующим фактическим подчинением его китайскому владычеству, не казалась невозможной. Такая перспектива обсуждалась многими западными изданиями. Однако вышеописанный сценарий не был реализован. Напротив, Россия состоялась как сильная евроазиатская держава, и многие аналитики отмечали, что это стало возможно благодаря энергичной и прагматичной политике В. Путина.

Очень важным представляется следующее обстоятельство, считает автор: необоснованное экспериментирование с экономикой и демократией обусловило тяжелейший системный кризис и поставило под угрозу национальный суверенитет России. В результате настойчивых усилий в последние годы государство получило доступ к ключевым отраслям национальной экономики, что можно при желании интерпретировать как посягательство на ценности «свободного рынка». Но при этом стала развиваться национальная экономика, утвердилась социальная стабильность, государство пользуется доверием населения. Тем не менее возникает вопрос: в какой мере это богатство является реальным и какую цену придется заплатить гражданскому обществу ради сохранения стабильности и продолжения развития?

Вышеобозначенные вопросы широко обсуждаются в итальянской прессе, в известной мере в них отражается внутриполитическая дискуссия, которая ведется в Италии. Проблему можно разде-

---

¹ Солженицын А.И. Написано кровью // Известия. – М., 2007. – 24 июля.

лить на две части. Во-первых, это критика В. Путина как отражение «воинствующего антиберлусконизма» в итальянской прессе. Во-вторых, это критика собственно Российской Федерации и ее политического руководства. Указанные тенденции проявляются в ряде итальянских многотиражных печатных изданий, но чаще всего характерны для газет «Ла Република» и «Ла Стампа», которые уделяют российским событиям большое внимание.

«Ла Стампа» благодаря таким авторитетным авторам, как Джульетто Кьеза, Энцо Беттица и Анна Зафесова, выступает в качестве издания, наиболее внимательно относящегося к внутрироссийским событиям. Единственным недостатком газеты, как полагает автор, является «ностальгия по Горбачеву», иначе говоря, чрезмерное сожаление о неосуществившейся преемственности между последним советским лидером и пришедшими ему на смену руководителями новой России. Впрочем, рассуждает далее автор, иногда случается, что «недорисованной иконе, в качестве которой в данном случае выступает перестройка, приписываются чудотворные свойства, как если бы наступившие вслед за этим события не являлись ее объективным следствием. И если сегодня на Западе позиция “сиротства после ухода М. Горбачева” до сих пор распространена, не следует забывать и о том, что мало кто из русских с ностальгией вспоминает последнего лидера советской эпохи» (с. 56).

Б. Ельцин и В. Путин, как полагает автор, «являются двумя сторонами одной и той же медали»: один – слишком неосторожный, другой – слишком консервативный. Но ни тот ни другой «не являются чуждыми российской истории». Более того, «чуждой» оказалась перестройка в силу неспособности России к реформам и трансформации путем гражданского обновления. И все же в «демократической суверенности» эры В. Путина – Д. Медведева (этот термин, на взгляд автора, лучше передает суть вещей, чем «суверенная демократия») «замедление, осторожность преобразований и реформ есть, нужно лишь повнимательнее присмотреться» (с.56).

Анализируя тандем «Путин – Медведев», автор ссылается на позицию итальянского политолога Джульетто Кьезы. В 2004 г. Кьеза писал: В. Путин «мог бы быть, возможно, чем-то иным, он мог принять иные решения, но не принял их, то есть мог взять на себя роль “просвещенного реформатора”, “демократического модерни-

затора”, однако предпочел роль “автократа”» (цит. по: с. 56). Къеза видел «в решениях В. Путина не столько ограниченность его как политика, сколько неспособность правящего класса предложить способных и подлинно “новых” советников». Д. Медведев представлялся итальянским комментаторам политиком, имеющим реформаторский потенциал. Анна Зафесова полагает, что вокруг него сложилось совершенно иное окружение, отчасти благодаря смене поколений, «в результате которой в политику приходят те, кто “видел Запад”, кто лично испытал на себе капитализм и для кого культ железной силы отдает дурным тоном» (цит. по: с. 56).

Образ В. Путина ассоциируется с его волюнтаризмом, способностью быть центром притяжения для тех, кто отождествляет его с сильной Россией, самостоятельной в своей национальной стратегии. Тандем Путин – Медведев, в принципе аномальный, поддерживается «стратегией страха», полагает автор, когда какая-либо внешняя или внутренняя угроза «может легко вывести на первый план именно фигуру В. Путина». Такая возможность, отражаемая итальянской прессой, бросает тень на Россию и сеет сомнения относительно стремления страны к преобразованиям. В этой логике «Россия часто ассоциируется с жестокостью». Считается, что «гражданский и демократический прогресс в такой стране может быть в любой момент механически сведен к чисто формальному... эксперименту» (с. 56). И это еще один повод отрицательно относиться к России.

Проблеме своего международного имиджа Россия не придает большого значения, полагает Филипацци, однако именно имидж страны «висит над ее головой как дамоклов меч». Это касается нерешенного чеченского вопроса, неизбежного камня преткновения в Италии и на Западе для тех, кто хотел бы составить позитивное представление о современной России. «Грязная война» и ее прямые последствия, которые можно символически резюмировать в убийстве А. Политковской, представляют собой «мутный водоем, в котором рискует утонуть любой анализ возможного будущего», характеризует ситуацию Филипацци (с. 57). В чеченский вопрос упирается любой разговор о России, что объясняется недостатком знаний или информации. В итоге итальянцы, говоря о России и не располагая достаточными знаниями о ней, в конце концов основывают свое суждение о стране, апеллируя к ситуации на Кавказе,

«которая стала еще более тревожной из-за событий, развернувшихся в Северной Осетии в 2004 г., и из-за российско-грузинского конфликта лета 2008 г. Из-за проблем на Кавказе Россия теряет уважение в глазах международного общественного мнения. Определение «русский завоеватель» было лейтмотивом в течение десятилетий холодной войны, а поэтому его «достаточно лишь слегка отряхнуть от пыли, и вот уже страх его подогрет: здесь даже не требуется пугало “коммунизма” или “реального социализма”», – подчеркивает автор (с. 57).

Италия имеет особые интересы в России: импорт российского газа составляет 32% необходимого ей объема, из России она получает 25% необходимого ей объема нефти. Италия является одним из главных коммерческих партнеров Российской Федерации. Между В. Путиным и С. Берлускони сложились дружеские отношения. И эта «дружба» привлекла к себе большое внимание в Италии: большинству итальянцев она не нравится. На самом деле, по мнению автора, речь идет о «некоей опасной аномалии, состоящей в подмене государственных отношений личными и поощрении волонтаристской практики, рискующей избежать любой формы парламентского контроля». Плюс к этому обвинения России «со стороны международного сообщества в нарушении прав человека и ограничении гражданских свобод – и вот уже началась длительная полемика, объявленной мишенью которой являлся С. Берлускони», а имидж В. Путина и Кремля становился отрицательным (с. 57).

«Ла Република», второе итальянское печатное издание, представляет левый спектр политических сил. Газета близка к Демократической партии, следит за кампаниями по защите гражданских прав и выступает против действий С. Берлускони в течение последних 15 лет. Подобная реакция в отношении премьера лишь усиливает раздражение, особенно на фоне «итальянского левоцентристского дрейфа, в свою очередь не способного предоставить реальную политическую перспективу». И за это снова расплачивается Россия.

Для восприятия России большое значение имеет способ подачи информации. Некоторые новости представляются как в положительном, так и в отрицательном ключе, но Филипацци полагает, что большая часть комментариев, связанных с Россией, в «Ла

Республика» относится ко второй группе. Здесь необязательны прямые нападки, вполне достаточно использовать сарказм при описании российской действительности, уже это воспринимается как критика. Критикуются «суверенная демократия» и «вертикаль власти», чрезмерное мелькание на телеэкранах В. Путина и Д. Медведева, миллиарды «новых русских», «а также массивность сооружений, широта улиц, высота небоскребов и всё то, что явно и открыто контрастирует с итальянскими обычаями». Однако крепкая дружба между В. Путиным и С. Берлускони, как думает автор, позволяет забыть о «всякой деликатности и пуститься раздувать даже безобидные, чисто русские прихоти и привычки до размеров негативного стереотипа, который, хотя и дискредитирует de facto Россию и русских, в действительности направлен против своей главной мишени» – С. Берлускони (с. 58).

Россию часто отождествляют со столицей. Москва предстает как символ «дикого» и «наглого капитализма». Из всего этого создается некий коктейль: нефть, олигархи, новые русские, коррупционеры, взятодатели. Эти явления напрямую связываются с фигурой В. Путина, а значит и С. Берлускони.

Как пишет Сандро Виола, журналист «Ла Република», «разница заключается в демократии. В России ее нет, и В. Путин может практически делать все, что хочет. В Италии для С. Берлускони выживать очень трудно» (цит. по: с. 58). Уже в самом выборе выражений и заголовков заложена критика, свойственная левой печати. Марко Травальо, известный тележурналист, критикующий С. Берлускони и связанную с его именем общую политическую безнравственность, открыто говорит о «путинизации» «италиотской системы». Марко Травальо утверждает, что откровения С. Берлускони в средствах массовой информации нельзя «воспринимать как шутки, неловкие оговорки или как то, что было сказано сгоряча, в порыве эмоций, так как они представляют собой целенаправленную атаку на свободу печати в Италии» (цит. по: с. 58). Такую же позицию занимает Вальтер Вельтронни, бывший лидер оппозиции, пользующийся авторитетом в Демократической партии. В одном из своих интервью 2008 г. он открыто высказал мнение, что Италии грозит установление модели В. Путина, для которой, по его мнению, характерны следующие черты: «выхолощенная демократия»; структура организации власти, которая может показаться автори-

тарной; «стремление устранить разделение и самостоятельность ветвей власти» (цит. по: с. 58). Конечно, звучит весьма жестко, но, как позднее уточнил сам В. Вельтрони, такое определение содержит историко-политическую ссылку на «модель персоналистского популизма», от которой С. Берлускони не отказался бы.

Следуя этой логике, «путинизация» есть не что иное, как персонализация политики благодаря железному контролю за телевидением и выработке некоего общего стиля поведения, далекого от «медийного демократического и парламентского апломба западных демократий» (цит. по: с. 58).

Владимир Путин, придя во власть в 1999 г., сумел достичь массовой поддержки благодаря умению преподнести себя как человека, полностью отличающегося от предшественника. «Молодой, спортивный, решительный, образованный, он сумел сыграть на национальной гордости и еще более преуспел в поднятии президентского имиджа, столь упавшего из-за Б. Ельцина и его антуража», – пишет Анна Зафесова. С ослаблением парламентской борьбы и дискуссии в обществе политическое содержание той или иной фигуры теряется «в попытках каждый день представлять себя в СМИ, лишая смысла слова и уповая на привычку и лень зрителей, рассеянных, невнимательных и легко поддающихся внушению», – такова точка зрения даже позитивно настроенных в отношении к России журналистов (с. 58).

Причем, по мнению автора, это гораздо сильнее ощущается в Италии, чем в России, и становится специфической болезненной чертой западных демократий, все более критичных по отношению к другим и все менее критичных по отношению к себе. Когда это превращается в присущую им характерную черту, историческая и культурная сила убеждения, которой обладают определенные страны, становится негативным, а не положительным явлением. В этом случае считается возможным судить о степени демократичности той или иной страны в рамках некой идеальной классификации, критерии которой никак не определены.

К примеру, отмечает автор, бывает, что самые важные вопросы, связанные с Россией, всего лишь средство начала политической дискуссии, что и продемонстрировал недавно Пьер Фердинандо Казини, лидер Союза демократических христиан, партии центристского толка. Его политической группой была выдвинута парла-

ментская инициатива, требующая от итальянского правительства сделать все возможное, чтобы заявить о нарушении гражданских прав в России. В этой связи на страницах «Ла Стампа» Казини сформулировал следующий призыв: «По поводу Чечни и убийств журналистов Италия сделала слишком много скидков Путину. Ходорковского преследуют, так как он пытался оказать политическое противодействие, финансируя либеральную партию и заявив о своем намерении участвовать в выборах. Его человеческие права были нарушены. У Берлускони особые отношения с Путиным? Ну, так пусть ими воспользуется!» (цит. по: с. 59).

Взгляд итальянской прессы на Россию зауженный, комментаторы не видят изменений, происходящих в стране. Вот как об этом говорит Филипацци: видишь не общую оценку трудного перехода, дающего, безусловно, повод для критики, но отражающего становление новой ситуации, а скорее законченный, окончательно восстановленный, «дорисованный образ» – возрождение российского колосса, часто в его худшей, советской ипостаси, с присущими ему несправедливостью, неравноправием, деспотизмом, склонностью к авторитарности. Именно таким рисовали образ России на протяжении всей истории вплоть до сегодняшнего дня, именно таким его подают сейчас и используют для того, чтобы сделать вывод: Россия не меняется и не может измениться. Такое утверждение реанимирует уже известный образ и искажает существующее положение вещей. «Реальная ситуация подается плоско, без учета трудностей переходного периода страны, в которой демократические структуры в силу традиции и исторической необходимости никогда не были особенно прочными, а образ оппозиции часто смешивался с образом врага». Тандем В. Путина и Д. Медведева многими воспринимается как интерфейс власти, хотя реально он «может оказаться чем-то большим, например, парадигмой иного понимания и исполнения власти, которая предлагает новый принцип руководства, меньше опирающийся на силу и более демократический» (с. 59).

В заключение автор с иронией отмечает, что итальянские СМИ подают информацию без какой бы то ни было критики, глубокого анализа, лишь для того, чтобы поговорить о политической ситуации в России. Подобная практика укрепляет прочно сложившееся представление о том, что эта страна на волне нового роста

***Россия в итальянской печати:
Искаженный и «отреставрированный»
образ***

благосостояния не будет особенно расположена к тому, чтобы оставить доктрину «суверенной демократии» и «вертикали власти». Такой подход утверждает представление о России как стране реакционной, использующей прежние идеологические клише, в которой царит застой.

Т.В. Кругликова